

Д. Е. КРАСНЯНСКИЙ

К КАТЕГОРИЯМ «НАЦИЯ» И «ЭТНОС»

Впервые в научной литературе возник интерес к проблемам нации и этноса в XIX веке, что было связано с бурными общественными процессами, которые переживали Европа и Южная Америка, где возникали и ширились движения за освобождение от колониальной зависимости и возникали новые независимые государства. Всплеск, или, как писали в то время, «пробуждение народов», интерес их к своей истории, языку, традициям, обычаям вызывал рефлексию у историков, филологов, философов, обществоведов.

Именно тогда возникло большинство идей, концепций и теорий по национальному вопросу, многие из которых существуют и в наше время, либо многие сегодняшние идеи своими корнями уходят в XIX век. Но, к сожалению, значительные ошибки, предрассудки и просто заблуждения, которые были характерны в рассуждениях по национальной проблематике в начальный период, не только не были преодолены позднее, но вопрос был запутан еще сильнее. Это было связано как с большой сложностью рассматриваемых проблем, так и недостатками в методологии, которую применяли при анализе феноменов этноса и нации.

Нередко, и это относится даже к современным исследованиям, между понятиями «этнос» и «нация» ставят знак равенства. Классическим примером приводят следующее рассуждение: итальянцы есть этнос, и они же являются нацией. Отсюда напрашивается вывод: этническая общность и нация суть одно и то же. В советской литературе к этому добавляли, что нация есть не просто этнос, а высшая его форма, пришедшая на смену народности.

В действительности же этнос и нация – явления, относящиеся к разным социальным сферам. Этнические общности существовали и в древневосточную и античную эпохи, а наций тогда не было. Уже из этого можно сделать вывод, что нации и этносы не одно и то же. Если сущность этнической общности наиболее ярко проявляется в этнических процессах, то сущность нации – в национальных движениях. Между этническими процессами – этнической ассимиляцией (растворением), этнической консолидацией (слиянием), этнической инкорпорацией (включением), этнической дивергенцией (расщеплением) и национальными движениями имеется коренное отличие как в форме, так и в содержании. Этнические процессы есть процессы, происходящие независимо от воли и сознания людей, национальные движения суть деятельности масс, направляемой к достижению определенной цели. Если этнические процессы относятся к области этнографии, то национальные движения – к области политики. Таким образом, национальное движение есть движение политическое, а это значит, что общность людей, именуемая нацией, выступает в общественной жизни прежде всего в качестве определенной политической силы. Одна из особенностей этой своеобразной политической силы заключается в том, что принадлежность к ней часто совпадает, в основном, с принадлежностью к определенной этнической общности. Это и создает иллюзию полного совпадения этноса и нации. Тем не менее, полного тождества нет даже в том случае, когда нация состоит из членов одной лишь этнической общности, а все члены последней входят в состав этой нации. Национальная общность в данном случае включает в себя этническую общность в качестве момента, элемента, но отнюдь к ней не сводится. Отличие национальной общности от этнической наглядно проявляется в том случае, когда в состав одной нации входят люди, принадлежащие к разным этническим общностям, а иногда и к частям нескольких этнических общностей.

Чтобы до конца раскрыть сущность нации как определенной политической силы, нужно обратиться к вопросу ее генезиса. Ключ к пониманию происхождения этносов и наций дает категория «социально-исторический организм», предложенная в свое время Ю. И. Семеновым. Под социально-историческим организмом (социо-

ром) мы понимаем отдельное, конкретное Общество, развивающееся более или менее независимо от других таких же обществ. Социоры обычно объединены в сравнительно более крупные системы, которые в свою очередь могут образовывать системы более высокого порядка.

Этносы как более или менее самостоятельные образования стали возникать в период перехода от первобытного общества к классовому, а формирование наций связано с зарождением и возникновением капитализма. Что объединяет всех членов, составляющих один этнос, иначе говоря, что является специфическим признаком этнической общности? Общая культура – вот что роднит всех французов, пока они остаются французами, и отличает их от американцев, франко-канадцев, франко-швейцарцев. Что касается языковой общности, то она, как в случае, когда эта общность в общем и целом совпадает с культурной, так и в том, когда она значительно шире последней, является одновременно и важнейшим условием возникновения и развития культурной общности и существеннейшим компонентом последней. Итак, различия между членами разных этносов определяет культура, а следовательно, специфический признак этноса уходит своими корнями в культуру в широком значении этого слова. Один язык, но разные культуры у сербов и хорватов. Нет аргентинского или австрийского языка, но есть аргентинская и австрийская культуры.

В отношении вышесказанного могут возразить, что и культура может не быть общей для всего этноса, что различия в ней могут быть у разных частей одного этноса не меньшими, чем между разными этносами. Действительно, различия в материальной и духовной культуре, например у двух больших частей русских, позволили и этнографам выделить две группы великорусского этноса: северных великорусов и южных. И отличия их культуры не меньшие, чем, к примеру, отличие культуры собственно русского этноса от культуры белорусов и украинцев. Но тем не менее, эти группы не являются разными этносами. Здесь мы подошли еще к одному фактору, который имеет очень важное значение, а именно к этническому самосознанию, или этнической самоидентификации. То есть процессу осознания людьми, составляющими этническую общ-

ность, своей принадлежности именно к этой, а не к какой-либо другой общности. В языке это проявляется в виде самоназвания – этнонима, который распространяют на себя члены того или иного этноса. И северные великорусы и южные в одинаковой степени осознают себя русскими, и у них, соответственно, один этноним. Таким образом, этническая самоидентификация состоит в том, что человек осознает себя русским, англичанином, американцем. Тем самым он проводит границу между «своими» и «чужими».

Этнос может иметь различную структуру. Он может состоять из этнического ядра – компактно живущей на определенной территории основной части этноса; этнической периферии – компактных групп представителей данного этноса, так или иначе отделенных от основной его части; этнической диаспоры – отдельных членов этноса, рассеянных по территориям, которые занимают другие этнические общности. Этнос может быть подразделен на субэтноты и этнографические группы – группы людей, отличающиеся своеобразием культуры, языка и определенным самосознанием. Если в этносе имеют место субэтноты, то человек, входящий в такой этнос, обладает двойным этническим самосознанием: сознанием принадлежности к субэтноту и сознанием принадлежности к этносу в целом.

Можно сказать, исходя из изложенного выше: этнос или этническая общность есть совокупность людей, которые имеют общую культуру, говорят, как правило, на одном языке и осознают как свою общность, так и свое отличие от членов других таких же человеческих групп. Все специфицирующие членов этноса признаки относятся к сфере культуры. Глубинный слой – это уровень повседневного бытия (обычай, нравы, привычки, стереотипы быта и поведения, вкусы), сердцевина – язык общения, высший уровень – самоидентификация, которая тоже имеет место не сама по себе, а неразрывно связана тысячью нитей с массивом материальной и духовной культуры и именно там находит критерии и основания идентификации и самоосознания.

Как уже упоминалось выше, формирование наций связано с возникновением и развитием капитализма. Так как капитализм первоначально возник и начал свое распространение в Западной Европе, именно там мы имеем классические примеры зарождения и раз-

вития наций. Отличительным признаком этого процесса была трансформация прежнего феодального государства в государство нового типа, а именно национальное. Феодальное государство имело такую особенность, как «рыхлость» своей структуры. Оно могло объединять в своем составе совершенно разные районы, населенные многочисленными этносами. Часто правитель такого государства и господствующий слой не имели с основным населением страны ничего общего, они говорили на разных языках, а часто были просто пришельцами из других стран. Но это обстоятельство вовсе не мешало существовать таким государствам столетия. Все изменилось с развитием товарно-денежных отношений, которые привели к зарождению капитализма. Усиление экономического обмена способствовало превращению ранее обособленных территорий в одно экономическое целое – единый рынок, который выдвигал свои требования – свободу, в первую очередь экономических связей, чему политическая организация старого государства – феодальная – препятствовала всей мощью государственного аппарата. Неизбежно вызревал конфликт, который носил политический характер. А именно, необходимость смены прежней надстройки и замены ее новой политической управляющей машиной, главной характеристикой которой было бы санкционирование свободной деятельности в хозяйственной сфере любым экономическим агентам, без исключений и привилегий. Естественно, что выполнить такую задачу могло лишь политическое движение, которое охватывало интересы наиболее активных сторонников «коммерческого» класса – третьего сословия.

Если в Англии, в силу специфических причин (островного положения, более сильной включенности аристократического класса в торгово-предпринимательскую деятельность, длительного ослабления исключительного положения местной церкви со стороны королевской власти, серьезного ограничения со стороны парламента местного абсолютизма и политической представленности интересов местного третьего сословия на уровне государственной машины), интересы этого сословия, которое в количественном отношении охватывало не менее 90% населения, были в значительной мере удовлетворены, и окончательное оформление потребовало

буквально нескольких дней времен «Славной революции» 1688 г., то во Франции к моменту формирования капитализма феодальная государственная система блокировала в значительной мере любую экономическую инициативу. Это привело к сильной политической радикализации и Великой французской революции, где представители третьего сословия, а именно все население, за исключением привилегированных классов, ощутило себя единым народом – нацией. Именно участие в политической борьбе, создание политического движения (жирондисты, якобинцы, революционные комитеты и клубы, свободная пресса) способствовали сплачиванию населения. Нужно отметить, что здесь произошло становление нации по признаку принадлежности к социальному организму (социору) – Франции. В состав единой нации вошли представители всех этносов и этнографических групп королевства. Наряду с французами, бретонцы, немцы Эльзаса и Лотарингии, италоязычные корсиканцы. Все они признавали своим отечеством Францию. В огне революции и революционных войн они превратились в общественную силу, отстаивающую интересы своего отечества.

Здесь скрыта новая сложность. Рассмотренный путь формирования нации, по принципу принадлежности к социору, вызвал иллюзию совпадения нации и социора, и в результате нации стали приписывать такие признаки, как «общность территории», «общность экономической жизни», которые в действительности характеризуют социор. С этим связано широкое использование в литературе слова «нация» для обозначения социально-исторического организма. Это наблюдается уже в XVIII веке. Так, Д. Вико назвал свой труд «Основания новой науки об общей природе наций» (1725 г.), но речь в ней он вел вовсе не о нациях в современном значении слова, а о социорах, причем любых типов. Однако, как бы ни были тесно связаны нация и социальный организм, они не совпадают друг с другом. Капиталистический социор есть фундамент, на котором возникает и существует нация. Но без политической борьбы, без превращения населения в политическую силу оно не может автоматически превратиться в нацию.

Формирование нации может идти и по принципу принадлежности к этнической общности. В этом случае возможно становление

нескольких наций в одном социальном организме, а затем неизбежный его раскол и создание на его основе нескольких социоров – по количеству наций. Эта метаморфоза наглядно иллюстрирует альтернативность исторического развития, возможность реализации совершенно противоположных тенденций.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к следующему заключению. Процесс образования наций неразрывно связан с возникновением капитализма, изменениями на уровне государства и, в качестве субстрата, с социально-историческим организмом (но не любым, а капиталистического типа); политическим творчеством масс, политической борьбой, политическими организациями, политическими движениями, лозунги которых являются реальными основаниями для солидарности и консолидации масс, независимо от их социальных, религиозных, этнических, правовых и иных различий, в единое целое – нацию.

В настоящее время в нашей литературе имеются три взгляда на природу нации. Один из них можно назвать этнической концепцией, другой – этатистской, или гражданской. Третий предлагает вообще отказаться от категории «нация» как ненужной конструкции сознания и ограничиться одной категорией «этнос», которая, как им кажется, вполне покрывает все возможные и необходимые варианты социальной действительности. Согласно этнической концепции, нация – это особый этнос, согласно гражданской, нация – это совокупность всех граждан государства, все его население. Как видно из вышесказанного, в первой и во второй концепциях есть доля истины, но отнюдь не вся.

И та и другая концепции упускают из вида то главное, что делает ту или иную совокупность людей нацией – конституирование общности как политической силы, наличие политической организации, движения, институтов, идей, наконец, идентификации себя с одним общим отечеством. Сторонники первой точки зрения не допускают того простого факта, что люди, составляющие этнос, могут образовывать нацию, а могут и нет. А сторонники второй концепции не принимают в расчет, что понятия страны, государства могут не совпадать с понятием родины или отечества. Они не хотят

считаться с тем фактом, что для людей, живущих в том или ином государстве, оно может быть их отечеством, а может и не быть им.

Когда этнос совпадает с населением государства, являющегося одновременно социором, то эта совокупность людей почти обязательно является и нацией. Когда такого совпадения нет, все обстоит гораздо сложнее. Население социора, разделенное на несколько этносов, может быть единой нацией, а может и не быть ею. Все зависит от ряда факторов, о которых мы говорили выше, под действием которых процесс нацизации может принять самые разнообразные направления осуществления.

Отказ от категории «нация», проповедуемый рядом отечественных ученых, является не таким безобидным делом, как может показаться на первый взгляд. Даже если взять только лишь теоретический план, то элиминация категории «нация» приводит не только к заметной путанице при попытке выстроить иерархию национальных и этнических слоев, групп, что мешает эффективному анализу действительной картины деятельности субъектов этнополитики, ее движущих сил и противоречий. Вносится анархия и появляется «кажущаяся» бессмысленность в проблематике национального. Наконец, игнорируется якобы существующее лишь субъективно либо в сознании пристрастных исследователей явление, хотя бытие наций не фантом, а вполне объективная реальность, которая проявляется в национально-освободительной борьбе, многочисленных националистических движениях, актах террора и войн и как апофеоз – в крахах одних государств и возникновении новых, причем по всему миру, ибо квинтэссенция бытия наций – политическая борьба, движение общественных сил. В практическом плане устранение категории «нация» и отказ от использования ее в реальной политике, в аспекте сиюминутных выгод, дает возможность недалеким политикам использовать «простые» решения в такой сложнейшей сфере, как межнациональные отношения.

Подводя итоги, можно сказать, что нация всегда есть особого рода политическая сила, которая формируется в борьбе за преобразование существующего или создание нового социального организма, осознаваемой как борьба за интересы отечества или за освобождение отечества от чужеземного гнета. В дальнейшем нация

выступает как политическая сила, которая отстаивает интересы данного социального организма, осознаваемые как ее собственные, как интересы отечества. Социальный организм всегда тесно связан с определенной территорией и не может существовать без таковой. Поэтому существование нации предполагает существование территории, которую она считает своей, считает своим отечеством, отличным от других национальных отечеств. Нация, таким образом, является уникальной социальной системой *suī generis*, образованной совокупностью индивидов, являющейся многофункциональной, солидарной, организованной, полузакрытой социокультурной группировкой, осознающей факт своего существования и единства и имеющей политическое оформление в виде своего государства, территорию расселения и самобытную культуру.